

В. А. Зверев

ДВА СЕМЕЙНЫХ ПРЕДАНИЯ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ В АЛТАЙСКИЙ ОКРУГ КОНЦА XIX в.¹

Опубликовано: Зверев, В. А. Два семейных предания о переселении в Алтайский округ конца XIX в. / В. А. Зверев // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. М. А. Демин, Т. К. Щеглова. – Барнаул : Изд-во Барнауль. пед. ун-та, 2005. – Вып. 6. – С. 159–163.

Переселенческому движению на Алтай посвящено уже немало исследовательских работ и публикаций исторических источников, но разработка этой темы продолжается. В недавно изданном первом выпуске сборника документов и материалов о сибирских переселениях второй половины XIX – начала XX в. [4] большинство текстов имеет полную или частичную «привязку» к Алтайскому горному округу. Для публикации здесь отобраны тексты, созданные современниками, в основном – организаторами или участниками переселенческого движения, и это, безусловно, правильно. В последующих выпусках, вероятно, найдется место и для таких источников, которые отражают *историческую память о переселениях*, сохранившуюся у потомков и земляков мигрантов, дошедшую до наших дней в виде устных и письменных рассказов, преданий, легенд, иных произведений фольклора. Выявление, обработка, публикация, вовлечение в научный и общественный оборот источников такого типа – важная, но весьма непростая задача специалистов.

Для настоящего издания я предлагаю нигде ранее не публиковавшиеся фрагменты из двух письменных сочинений, отражающих индивидуальную память авторов – наших старших современников, а также коллективную память нескольких поколений их родственников и односельчан о «делах и людях минувших дней», в том числе о переселении их предков на территорию Алтайского округа в конце XIX столетия.

Первое сочинение называется «Родословная», оно написано в 1980–1990-х гг. жителем р. п. Линево Искитимского р-на Новосибирской обл. *Иваном Тимофеевичем Солдатченко* (род. в 1921 г.). Рукописный текст в двух общих тетрадях большого формата, общим объемом более 200 листов (вместе с оборотами) предназначен автором «для своих детей и внуков». Нам его с согласия автора предоставила журналистка муниципальной газеты

---

¹ Подготовлено при поддержке Федерального агентства по образованию МОиН РФ, грант Конкурсного Центра фундаментального естествознания № А 04-1.2-35.

«Новое время» Н. Т. Левина. Мною уже опубликованы два отрывка из этого сочинения – по другим сюжетам [1, с. 216–219]. В настоящем издании печатается фрагмент, содержащий описание переселения в 1880-х гг. из д. Осиновка Курганского окр. Тобольской губ. в д. Гилёвка Барнаульского окр. Томской губ. (сейчас это Завьяловский р-н Алтайского края) основной части крестьянского фамильного клана Солдатченко. Повествование является обобщенным переложением по памяти рассказов-преданий, которые автор слышал в детстве и юности от своих старших родственников, участвовавших в переселении – от бабушки по отцу Липестиньи Захаровны (1850–1953), двоюродного деда Степана Константиновича (ок. 1865–1960) и др.

Второй публикуемый здесь источник – отрывок из рукописного сочинения «История Сидоровки», созданного в начале 1990-х гг. уроженцем и жителем д. Сидоровка Колыванского р-на Новосибирской обл. *Сергеем Ивановичем Куриным* (1921 г. рожд). Автор писал «по просьбам современных односельчан», «сидоровскому потомству на память». Доступ к 11 школьным тетрадям (374 с. текста), хранящимся в Колыванском краеведческом музее, нам любезно предоставила директор музея Н. П. Козлова. Несколько сюжетов из рукописи Курина, не имеющих отношения к переселенческой тематике, уже опубликованы с нашим участием [2, с. 126–149; 3, с. 52–58]. В контексте повествования об основании и начальном периоде истории родной деревни автор рассказывает о переезде в 1890-х гг. его деда Николая Курина с семьей (в которую входил и отец мемуариста) из с. Тележенка Лебедянского окр. Тамбовской губ. в Сидоровку, располагавшуюся на северной окраине Алтайского горного окр. С. И. Курин в данном случае, как и И. Т. Солдатченко, обобщает слышанные в детстве и юности рассказы-предания своих родственников и односельчан, в первую очередь – отца, Ивана Николаевича Курина (1873–1951), которому во время переселения было не менее 17 лет.

При подготовке к публикации обоих источников мною произведена (с необходимой осторожностью) редакторская работа: поправлены орфография и пунктуация, местами изменена разбивка текстов на абзацы, даны заголовки, в необходимых случаях сделаны подстрочные примечания, однако сохранены все стилистические и языковые особенности подлинников. Учтены основные правила издания исторических документов, принятые в нашей стране. Трочеточия заменяют опущенные в предложении слова, отточия в угловых скобках – пропуск текста в объеме не менее одного предложения. В прямых скобках мною вставлены слова и выражения, необходимые по смыслу для лучшего понимания текста.

1. И. Т. Солдатченко. «Путь растянулся на пять месяцев...»

<...> Для того, чтобы начать ... повествование, нужно заглянуть в глубь прошлых столетий, непосредственно в Курганский округ Тобольской губернии, где проходила жизнь наших предков, в те далекие 1880-е годы, в которых, по рассказам бабушек и дедушек, был страшный голод.

Зимой стояли жестокие морозы, когда на лету замерзали птицы, мерзли люди. Летом стояла жаркая погода: дули южные пыльные бури, ветры-суховеи с казахстанских степей. За лето не выпадало ни капли дождя. В 1885–86 годах не накосили ни клочка сена, не говоря уж о пашне, которую забыли, когда засевали. Не было семян, да и в сухую – «мертвую» – почву сеять было без пользы.

И люди пошли на крайность – осенью 1886 года прирезали скот, пустили его в еду. Кое-как сводили концы с концами. Голодали, ели все травы: лебеду, крапиву, щавель. В озерах, болотах рвали камыш с корневищами, которые сушили, толкли, получая муку, из которой пекли лепешки.

Жители Осиновки и других сел и деревень стали разъезжаться в другие края: кто на Урал, кто на Север и в Сибирь. Настал в семье [Солдатченко] вопрос переезда из курганских мест. <...> Собрался совет всех родных Солдатченковых, на котором решали вопрос: как дальше быть?

По решению старейшин решили: прежде чем куда-то ... ехать, нужно послать ходоков в далекие и неведомые края Сибири, о которых шла слава – о их привольных и необжитых землях, о их приветливых людях. На совете решили послать ходоками дедов¹: Константина, Андрея и Илью, имеющих опыт в путешествиях. Они ведь служили на военной царской службе по 25 лет, не раз ходили в далекие края с котомкой за плечами.

В мае 1886 года проводили дедов в далекий неведомый путь, снабдив их шомпольным ружьем, а для охраны [они] с собою взяли собачку Сокола...

Они за два года обошли Барнаульский округ, были в городах Барнауле, Бийске. Осмотрели много мест, выбирая подходящее для себя. Исходили сибирские просторы, видели своими глазами неопишуемые озера с полноводными реками – Обью, Иртышем. Видели величавые горные реки Бию и Катунь – притоки Оби. Не только пили хрустальную воду из этих горных рек, но набрались храбрости искупаться в их ледяной воде.

---

¹ Ходоки названы здесь «дедами» в том смысле, что они являлись представителями старшего поколения фамильного клана Солдатченко, у них имелись взрослые дети и внуки. «Деды» еще не были старыми – Константин Николаевич, например, родился в 1830 г.

На своем длинном пути переходили вброд реки Кулунду и Алей. Кругом были необъятные просторы Кулундинской степи с ее ленточным бором и рекой Кулундой, с ее озерами, которые в половодье пополняются водами этой реки. Видели, проходя, Барнаульскую степь с ее озерами, с многотысячными птичьими стаями. На лугах паслись многочисленные стада овец, коров и табуны лошадей.

Но им уж сильно приглянулись в Барнаульском округе привольные малонаселенные места вдоль Кулундинского бора, с его левой стороны, с селением Гилёвка. В д. Гилёвке жил и барствовал богач – Гилёв, который имел многочисленные стада овец, [у него] паслись летом и зимой табуны, насчитывающие более пятисот сибирских лошадей... Еще дедов привлекали пустующие поля, где можно будет заняться хлебопашеством, особенно вдоль реки Коновалихи, на ее пойме – черноземной земле.

Рядом с Гилёвкой тянется «казначейский» Кулундинский бор – до самого Барнаула, далее переходя в тайгу. Рядом находится рыбное озеро, которое связано цепью притоков с другими озерами. В самой Гилёвке течет речка с одноименным названием, что [является] немаловажным условием для разведения водоплавающей дичи – уток и гусей.

Все это приволье тянуло ходоков в богатые края. Еще их влекла сюда охотничья любовь: они были не только кузнецы и плотники, но и заядлые охотники. У них, как мы знаем, было с собою шомпольное ружье, которое их кормило в пути и было обороной.

Беспокойно было на душе, что в Сибири несладко жить крестьянину, особенно безлошадному, многосемейному. До боли души было обидно, что пустуют бескрайние просторы, а жизнь человека не свободна от богатеев. Бедному мужику нужно было идти в зависимость к богатей.

В пути встречали переселенцев, работавших на поденщине с оплатой 50 копеек мужчине и 30 копеек женщине за световой день. При таких заработках, при большой семье корову не купишь, а об лошади будешь только мечтать. Но прапрадеды надеялись на свои мастеровые руки. Они ведь были умелые кузнецы и хорошие плотники.

На обратном пыльном пути Московского тракта встречались невольники, закованные попарно в цепи, идущие в далекую Сибирь на каторгу. По прямой сибирской дороге задолго по облаку пыли угадывалось приближение невольников. Заключенных сопровождал конвой всадников. Каждый стрелок, кроме винтовки, имел плеть, которой подгонял отстающих. Строй замыкал с десятков подвод с провизией и больными.

Это ужасное зрелище было далеко не из приятных нашим путникам. Оно напоминало давно минувшие мятежные курские годы их прапрадедов¹, когда их товарищей угнали в Сибирь на каторжные работы. <...>

Путь продолжался. Вечером делали остановку у озера или на берегу реки, разводили костер, готовили еду из уток, либо из рыбы. На озерах было много непуганой дичи, хоть лови руками. С одного выстрела убивали 5 и более уток. Сокол был очень рад, доставая в плывь убитых уток. Ходоки радовались, что не прошел даром 2-летний путь. Нашли хорошее место для поселения, где будет любимая работа и привольная, сытая жизнь.

Ведь у прадедов состоялся разговор с Гилёвым, который советовал им «приезжать и открыть кузницу, либо кузнечных работ будет предостаточно как у меня, так и у всего населения». <...>

Весною 1888 года ходоки вернулись в родные места. Они ужаснулись, что хозяйство пришло в упадок. Скота не было, кроме одной отощавшей лошади Чайки. Семьи голодали. Из-за отсутствия кормов как родные, так и [остальное] население прирезали скот. Многих односельчан голод унес в могилы, многие уехали в приглянувшиеся места. Пустовали дома с забитыми окнами.

Тут было не до радости. Спешно был вновь собран семейный совет всех родных, на котором деда доложили, что Илья остался в городе Алтая – Бийске, на величавой реке Бии. Решил устроиться на работу и ждать приезда нас. Константин и Андрей рассказывали на совете о той привольной жизни в Сибири, где много нетронутых земель. [О] малой ее заселенности, об необъятных просторах, о приветливых людях.

Совет решил немедленно собираться и ехать в далекий сибирский край. Ефим же, прапрадед, решил уехать с семьей на Урал, на родину к своей любимой супруге.

Рады были женщины и дети цыганской кибитке, [наподобие] которой оборудовали свою подводку деды к дальней дороге. На подводке с кибиткой была семья Якова с Липестиньей, их дети Дмитрий – 8-и лет, Тимофей – 5-и, во главе с отцом и дедом Константином. Кроме них, поехало еще пятеро семей на 5-и подводах. Дед Константин возглавлял еще одну подводку с сыном Степаном и женой, с домашним имуществом и инструментом коваля.

В начале мая 1888 года, погрузив на подводы домашний скарб, детей, попрощавшись с родными, друзьями, отправились в далекие сибирские края.

---

¹ Согласно семейному преданию, основателями клана Солдатченко были крепостные крестьяне Курской губ. «Они были участниками крестьянского восстания, и их ждала жестокая расправа, но они сбежали далеко за пределы Центральной России на вольные земли», в Южное Зауралье, где поселились в д. Осиновка в 1710 г.

Путь лежал из Осиновки на Курган с выходом на Сибирско-Московский тракт, на Петропавловск. Ехали только в дневное время, а в ночь останавливались у озера, либо у реки. Была опасность нападения наглых грабителей-казахов. Особенно было тяжело ехать от Петропавловска до Омска. Тянулись бескрайние степи, пересеченные болотами с камышовыми лугами, с разбитой солончаковой грязью дорогой. Часто приходилось вытаскивать подводы, помогая лошадям.

С Омска на Павлодар дорога тянулась, вилля вдоль берега р. Иртыш. На лугах паслись многочисленные отары овец с верховыми пастухами-казахами. Табуны лошадей и верблюдов были повсеместно. В озерах вода соленая, приходилось покупать воду у казахов по копейке за ведро воды, наполняя кадки.

Были нападения на нас¹ верховых казахов. Нас спасало то, что у нас были ружья. Открывали по ним стрельбу, на всадников кидались наши собаки. Каждый день готовились к охране. Подводы ставились в кружок, оглоблями во внутрь круга. Лошади привязывались к задкам. Спускались с поводков собаки. Всю ночь горел костер. Лошади поедали скошенную траву. А двое мужчин [всегда] были наготове дать отпор.

Собаки очень нас выручали, далеко чуяли приближение всадника или одинокого лазутчика-казаха ... идущего к нашему ночлегу под разным предлогом. Казахи были вооружены копьями с длинными шестами, [будучи обнаруженными, они] убегали. Околки² и высокие камыши вдоль дороги скрывали всадников-грабителей.

В ночное время голосили с завыванием степные волки, а вместе с ними начинали лаять наши собаки. «Эти жуткие кошмары часто снились мне», – говорила бабушка, [рассказывая мне позже о путешествии].

Когда поехали на Березовку³, стали попадаться русские селения. В Березовке служили молебну по святому Илье⁴. По рассказам [местных] жителей, «скоро будет русская Сибирь», и [нам] показали дорогу на Карасук, куда мы с радостью поехали, надеясь встретиться с русскими приветливыми людьми. А еще веселило наших дедов [то, что мы] выезжали на путь, по которому они шли в Алтай.

Наш путь растянулся на 5 месяцев, за это время не раз меняли колеса в телеге и перековывали копыта у лошадей, благо, что сами – кузнецы и плотники. Передвигались медленно ввиду слабых лошадей, по 25–30 верст в сутки.

---

¹ Начиная с этого абзаца, повествование ведется от имени бабушки мемуариста – Липестины Захаровны, проделавшей путь на Алтай в 38-летнем возрасте.

² Околки – небольшие островки преимущественно березового леса в Барабе и Кулунде.

³ Возможно, это д. Березовка в современном Купинском р-не Новосибирской обл., на границе с Казахстаном.

⁴ Значит, переселенцы были здесь 20 июля (2 августа), когда православная церковь отмечает память св. пророка Илии Фезвитянина.

В селении Карасук¹ закупили провизии. Наш путь шел на юг, все ближе приближаясь к заветной цели. Деда устали отвечать на вопросы жен, детей и внуков – когда же будем на месте?

Приглянулось большое сибирское озеро Чаны², у которого отдыхали, кормили лошадей, косили траву на ночь, охотились. Над озером носились несметные стаи непуганых птиц. Мужчины вновь заготовили рыбы и дичи на дальнейший путь, теперь уже на восток.

Сделали стоянку у озера Хорошее, что сейчас находится в Карасукском районе Новосибирской области. Подковали лошадей. Сетями ловили крупную рыбу, ее было так много, что в сетях были заполнены почти все ячеи. На озере и над озером носились несметные числа птиц, а на лугах паслись многочисленные стада овец, табуны лошадей. Но нам, переселенцам, не приглянулись эти безлесные места с множеством солончаковых мест и соленых озер. Нас тянули те сказочные места, о которых так говорят и [куда] зовут наши ходоки.

Въехали в большое русское село Леньки, где находилось воеводство и сельское управление³. В ... [Леньковскую волость] входила заветная наша Гилёвка, куда лежал наш долгий путь. В Леньках правил ставленник томского губернатора (с. Леньки сейчас входит в состав Благовещенского района Алтайского края).

В Леньковской волости прапрадеды на каждую семью получили разрешение на право поселения в Гилёвке, ведь добровольцам-переселенцам, заселяющим Сибирь, представлялись большие льготы. Пригодилось ходокам знакомство со старшим писарем в то [прежнее] путешествие, который сейчас их принял с радостью и выдал им необходимые документы на поселение. <...>

2. С. И. Курин. «Есть деревня, где можно свободно поселиться...»

<...> Узнал народ, то есть россияне, что можно [в Сидоровке] устраивать свою жизнь оседло, самостоятельно. Валом повалили новоселы. Устраивали себе поместья, раскорчевывая пни ранее срезанных деревьев. Растущие деревья спиливали и выкорчевывали.

---

¹ Ныне с. Краснозерское, районный центр Новосибирской обл.

² Данный фрагмент текста нарушает географическую канву рассказа о переселении: на берегу оз. Чаны мигранты могли оказаться только по пути из Березовки в Карасук.

³ Над строкой вписано: «Уезд. Волость». Слово «уезд» затем зачеркнуто. Очевидно, автор нетвердо ориентируется в административном устройстве Западной Сибири второй половины XIX в. Об этом говорит и употребление слов «воеводство», «ставленник томского губернатора» (далее в тексте).

Строилась Сидоровка, как говорится, интенсивно... [Многие], как отец мой, приехали в тысяча восемьсот девяностом году. Уже больше двух с половиной [десятков] домохозяев было поселено за двадцатипятилетие организационного существования села – в одну улицу. Да вторая уже начала застраиваться, [так что всего в селе] с полсотни уже было дворов.

Чуваши¹ и мокшанами¹ Сидоровка заняла где-то более трех километров. Тамбаши прознали про Сидоровку – которые покинули раньше Тамбовщину, свою родину. [Они] застряли сначала, в ранние времена, в деревнях Барнаульского и Колыванского² уездов. Которые оставались у богатых чалдонов в работниках. Сперва устроились сами в Сидоровке и сообщили в Тамбовщину оставшейся родне, что есть такая деревня, где можно свободно поселиться и жить самостоятельно. Вот таким образом и строилась Сидоровка.

Да еще старожилы окружных деревень не давали наделов земли приезжим. Потому что ее не было свободной, вся занята. В наем рабочих нанимали, это для них [было] выгодно. Особенно беженцев российских – дешевле обходится временная рабочая сила.

Поселился и наш родственник в Сидоровке – Ефрем Курин. Но в Сидоровке по фамилии их мало кто знал, разве только соседи. Ефремовы – в деревне многие знали. Прислал Ефрем в Тележенку [на Тамбовщину] письмо родственнику, Николаю Филимонову сыну, то есть Курину. Со гневом – это уже второе письмо. Почему долго не едет? «Я ж тебе писал, что жизнь в Сибири хорошая, земля есть – обрабатывай, не ленись. Да и сам [себе] хозяин. А красотища то какая! Лес кругом – топлива хватит, дрова вольные, кизяки не надо делать. Назьмом здесь болота заваливают. Там, [на родине], нас Сибирью пугали, что зверя всякого много, людей заедают. Неправда это. Зверья, правда, много. Но они не вредимые для человека. Волки, медведи, лисы, и мелкого зверька много пушного. Есть здесь люди – и промыслом зверя пушного занимаются, но не слыхивал я, чтобы человека [звери] загрызли или съели, нет такого. Не бойтесь, приезжайте».

Получил наш дед письмо и засобирился, да беда – бабка никак не хочет ехать, боится, [что] волки съедят. Но все-таки согласилась. Быстро дед Николай распродал свое хозяйство. Хотя оно и было-то небольшое – семью не мог прокармливать без найму у барина.

---

¹ Мокшане (мокша) – приволжский финноязычный этнос, обычно рассматривается как часть мордовского народа. Сидоровка заселялась первоначально чувашами, затем мокшанами, потом русскими из Тамбовской («тамбаши»), Рязанской, Вятской, Казанской, Симбирской, Пензенской губерний.

² Колыванского уезда на существовало. Новосибирская Колывань и ее округа, в том числе д. Сидоровка, в конце XIX в. располагались в южной части Томского округа-уезда Томской губ.

Оставили, что необходимое для семьи из одежды. Семья – шесть душ. Отец наш был самый старший из детей – Колобок семнадцати лет. Колобком его учитель прозвал за маленький рост. Он кончил сельско-приходскую школу, четыре класса, да еще помощником учителя ходил два года. А школу он кончил с похвальным листом. [Этот лист] золотыми буквами отпечатан был. Тоже отцовой семье была подмога в денежных ресурсах.

Еще два сына [было у Николая Филимоновича Курина] – Васка да Олешка, и дочь Огашка. Отца моего было звать Ванька Колобок. Но это было в Расее¹, а здесь, в Сибири, [его прозвища] никто и не знал, так как он ... подрос к восемнадцати годам до среднего человеческого роста. <...>

Послал Николай Филимоныч ответное письмо из Тележенки в Сибирь Ефрему, что «решили семьей ехать к вам в Сидоровку. Путь, каким нужно ехать, узнали из вашего письма, за что шлем большое спасибо. Ждите, скоро свидимся. До свидания, всем низко кланяемся, вся наша семья».

Засобирались в путь. До [железнодорожной] станции далеко, пришлось нанять подводу до станции, расплатиться нашлось чем.

Путь-дорогу не буду описывать, она им досталась нелегко. Расстояние большое. Хотя долго, но добрались до Сидоровки. Опять от станции Прокуткиной² пришлось нанять подводу. (Сейчас есть или нет такая станция, или [у нее] другое название, не слышал.) Только знаю, [есть по дороге от этой станции] за Грязнухой большой спуск к речке через мост.

Как отец рассказывал, частенько три мужика около этого моста сидели, ожидали проезжих и помогали подводам взбираться на береговой подъем. Больше они помогали [тем], кто ехал с большим грузом, да [у кого был] плохо увязан воз.

Один был пожилой здоровяка-бородач, и два сына тоже не слабенкие были. Мостишко был не широкий, да сделан был неважно, с проломами. Как только подвода заходит на мост, они все трое берутся помогать, то есть подталкивать воз. Старик в это время кричит: «Потянули, потянули!» Хозяин клажи думает – в самом деле помогают ... особенно, если колеса угодят в проломину. [А] когда прибудут на место, какой-нибудь вещи не досчитаются. Считают, что дорогой потеряли, не досмотрели.

---

¹ В Европейской России (в данном случае – на Тамбовщине).

² Вероятно, речь идет о ст. Чик, около которой в конце XIX в. располагалось волостное село Прокудское (ныне – Кочневский р-н Новосибирской обл.). Проезд мигрантов по железной дороге свидетельствует, что датирование переселения Н. Ф. Курина с семьей из Тамбовской губ. в Сидоровку 1890-м годом неверно: движение поездов на участке от Омска до ст. Кривошеково началось только в 1895 г.

Но Васка, брат отцов, увидел, как старик сбросил саквояж с воза в дыру на мосту. Закричал отцу: «Тянь, тянь, ящичек упал под мост в дыру». Братишка Ванька извлек его из-под моста, пока выезжали на гору. Но Васка ничего не сказал на месте, каким образом упал ящик... Но дальше когда отъехали, он сказал, что его бородач стянул в дыру.

Вот за что и помогал бородач с сыновьями выкатывать возы через мост на гору. Нажива была, а ведь и хорошие вещи пропадали на этом мосту. Вот такие «милосердные» были бородач с сыновьями.

Мне приходилось несколько раз одолевать эти подъемы с моста. Но мост-то был уже не тот. Крепкий и с перилами.

Так вот, дорога с Прокуткиной пролегала через Грязнуху на Тырышкино¹ и в Сидоровку, уже набитая конными подводами. Новосибирска еще не было, моста еще не было через Обь. Только еще планировался. Как [выходит] по рассказу отца, хотели через Колывань [железнодорожную] линию вести. Но место неподходящее. Сильно широкие луга заливные в весеннюю пору. Нужно делать высокую насыпь – девять километров.

Когда добрались до Сидоровки, стали спрашивать у попавших людей – они не знают Куриных. А как назвали Ефрема – «о-о, это вон там, на той улице». Дед стал спрашивать, почему тот человек не сказал, где живут Курины. – «Да он не понимает по-русски, он мокшан, да и недавно здесь живет. Мало кого знает».

Так и добрались до ефремова дому Филимоновы. Встретились родичи от долгой разлуки. Полобызались в первую очередь прямо в воротах, пропустили подводу в ограду, стали разгружать вещи. Хоть немного вещей, но конский воз полный был. В дороге много хозяйского скарба нужно. Да и на первый случай на [новом] месте потребовался, кстати. Не ходить, не выпрашивать у кого-то.

Так вот и обосновались первое время у Ефрема Григорьевича на житье-бытье. Пока своего гнезда не свили на новом месте. И прожили они всю зиму [вместе] – две семьи, да не маленькие, а по шесть человек.

Весной сжалился сосед ефремов, Хромов Иван. Отдал под квартиру скотскую избушку. Только нужно внутри избушки вычистить хорошо навоз, да стены поскоблить. Хозяева там держали телят, ягнят с овцами подсосными. Зима-то холодная, малыши не вытерпят морозов, погибнут. Еще проквартировали два года у людей. Пока не достроили на первый случай избу почти на самом краю деревни. В это же время еще строились соседи, две избы – Ханаевы и Соломоновы.

---

¹ Ныне с. Новотырышкино Колыванского р-на Новосибирской обл.

Но на этом Сидоровка не кончала заселение. Время-то идет. Молодежь подрастает, в одной семье тесновато жить становится. Женятся и просят у родителей надел, отделяются, свою семью заводят. <...>

Примечания

1. Зверев В. А. Курганские новоселы на Алтае: Семейные предания в пересказе И. Т. Солдатченко // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2003. – Вып. 5.
2. Зверев В. А. «У жадного брюхо болит»: Эпизоды криминальной истории сибирской деревни (первая треть XX в.) // Жить законом: Правовое и правоведческое пространство истории. – Новосибирск, 2003.
3. Козлова Н. П. «Как это все началось...»: Воспоминания С. И. Курина // «Есть родина твоя...». – Новосибирск, 2002.
4. Сибирские переселения: Документы и материалы / Отв. ред. М. В. Шиловский. – Новосибирск, 2003. – Вып. 1.